

Часть 1

УЖАС СТАИ

1

Самое любопытное, что перед лицом неизбежной смерти все вдруг становится на свои места. Возьмем, к примеру, происходящее со мной прямо сейчас.

— Беги! Давай! Да быстрее же, ты же можешь еще надать!

Заглатываю полные легкие воздуха. Мозг работает на чудовищных оборотах. Спасаясь. Бегу не на жизнь, а на смерть.

Продираюсь через чащобу, в лохмотья разодрав руки, — невелика беда!

Каждый острый камень, каждая коряга, каждая палка будто нарочно бросаются мне под ноги — ну и хрен с ними!

Задыхаюсь от бега так, что легкие как огнем горят, — переживем и это.

Только бы подальше оторваться от ирейзеров!

Ирейзеры. Мутанты. Полулюди-полуволки, как всегда при пушках, как всегда жаждущие крови. Вот-вот они меня настигнут.

Вот такая она, моя перспективка: беги! Кто быстрее, ты или они? Ты, и только ты! И ты сейчас уйдешь от погони.

Я никогда прежде не была так далеко от Школы. Я совершенно потеряла всякие ориентиры — во времени

и в пространстве. Но руки ритмично подталкивают тело, ноги подминают мелкий подлесок, а глаза зорко вглядываются в полутьму. Я уйду от них, выскочу на поляну, такую, чтобы хватило места для...

Нет! Нет!

Жадное, нетерпеливое, тошнотворное тьяканье псов, идущих по кровавому следу, нагоняет меня сквозь чащобу. Хотя я, хоть любой из нас шестерых, даже Ангел, которой всего только шесть, какого хочешь человека обгоним... Но только не дикого здорового пса.

Псы, псы, подите прочь — мне спастись сегодня в ночь!

Псы неотступны. Но тут впереди сквозь чащобу забрезжил тусклый свет. Поляна? Только бы поляна, только бы поляна! Поляна — мое спасение!

Я ринулась напролом, тело — в пленке холодного по-та, воздух — из груди со свистом! Еще чуток и...

Нет! Только не это!

Назад! Меня заносит. Руки во все стороны, как ветряки. Ноги пробуксовывают в щебенке. Нет, это не поляна. Впереди край каменного обрыва, вертикально уходящего в нескончаемую глубину. Позади лес, кишачий до зубов вооруженными психованными ирейзерами и истекающими горячей слюной псами. Ни то ни другое не вариант.

Псы захлебываются лаем. Они меня уже видят, видят свою добычу!

Заглядываю в смертельную пропасть. Что, разве у меня есть выбор? На моем месте ты, отчаянный читатель, сделал бы то же самое.

Зажмурившись, выбрасываю вперед руки и даю себе соскользнуть в бездну.

Ирейзеры орут от гнева, псы истерично воют, а дальше мне слышен только посвист разрезаемого моим телом воздуха.

На секунду становится невероятно спокойно. Я улыбаюсь.

Глубоко вздохнув, раскидываю крылья как можно шире. Размахом в тринадцать футов, цвета бледного загара, с белыми прожилками и коричневатыми пятнышками, похожими на веснушки, они поймали потоки воздуха, и меня резко дернуло вверх, точно надо мной раскрылся парашют. Вот это да!

Взять на заметку: крылья быстро не раскрывать.

Напрягшись, я изо всех сил потянула крылья вниз, потом вверх и снова вниз.

Господи, да я же лечу, лечу, как всегда мечтала.

Все дальше укрытое тенью дно ущелья. Я засмеялась и рванулась вверх, ощущая силу своих мускулов, воздух, шуршащий перьями крыльев, ветерок, осушающий пот с лица.

Я взлетала все выше над краем ущелья, над остолбеневшими псами, над озверевшими ирейзерами.

Один из них, с волосатой рожей, со стекающей с клыков слюной, поднял ружье. Красная световая точка появилась на моей рваной ночной рубашке.

Не сегодня, псих, подумала я и круто свернула на запад, так, чтобы солнце ослепило его замутненные ненавистью глаза.

Я не собираюсь умирать сегодня.

2

Рывком сажусь на постели, сжимая руками сердце, и невольно ощупываю ночную рубашку. Ни тебе красных лазерных пятен, ни тебе простреленных дыр. Обмякнув от облегчения, падаю обратно на подушку.

Блин, вот сон проклятый. Всегда один и тот же: побег из Школы — погоня ирейзеров — с утеса вниз — уу-х, крылья — полет... и наконец спасение. И всегда просыпаюсь, твердо зная, что секунду назад была на волоске от смерти.

Взять на заметку: контролировать Бессознательное. Сделать сны поприемлемей.

Холодно. Неимоверным усилием воли заставляю себя вылезти из уютной постели. Натягиваю чистый свитер — благодать. Надж с вечера унесла грязное в стирку.

Все еще спят. У меня пока еще есть пять минут тишины и покоя. А дальше — ныряй в новый день, как головой в омут.

По пути в кухню останавливаюсь в прихожей у окна: утреннее солнце пробивается в расщелину между вершинами гор, небо ясное, тени четкие. Вокруг ни души. Так бы стояла и смотрела, долго-долго.

Мы живем высоко в горах — только мы шестеро, я и моя семья. Так безопасней.

Наш дом построен лежащей на боку заглавной буквой «Е». Ее горизонтальные черточки перекинута через глубокий каньон, так что если выглянуть из окна, кажется, что паришь. По шкале клевоности от одного до десяти баллов нашему жилью полагаются все пятнадцать.

Здесь мы можем быть самими собой. Здесь мы свободны. Я про свободу буквально говорю, в том смысле, что не в клетке.

В общем, это долгая история — о ней когда-нибудь после...

Ну и, конечно, никаких тебе взрослых. Когда мы сюда переехали, Джеб Батчелдер присматривал за нами, прямо как родной отец. Он нас спас, всех шестерых. Родителей ни у кого из нас нет. Он, почитай, вместо отца нам и был.

Однако он исчез два года назад. Мы знаем, что он мертв. Поняли сразу. Но никогда об этом не говорили и не говорим. Так что теперь мы сами по себе.

Не скрою, в этом есть свои преимущества: никто не указывает нам, что делать, что есть, когда идти спать. Ну, разве, кроме меня. Я старше всех, вот и управляюсь как мо-

гу. Трудновато, конечно, и дело это неблагодарное. Но должна же быть у семьи глава.

В школу мы тоже не ходим, я имею в виду нормальную школу. Так что спасибо, Бог интернет послал, а то бы мы вообще ни хрена не знали. Вот так и живем: ни тебе школы, ни докторов, ни социальных работников. С нами все просто. Мы вообще живы, только если никто про нас не знает.

Обозревая содержимое холодильника, я услышала за спиной сонное шарканье.

— С добрым утром, Макс.

3

— Привет, Газзи.

Восьмилетний мальчонка с еще слипшимися со сна глазами плюхнулся за стол. Я потеряла ему спинку и клюнула поцелуем в макушку. Газзи, Газманом или Газовщиком он стал чуть не с младенчества. Что поделать, если у ребенка какая-то хрень с кишечником. Но предупреждаю — становиться от него надо только так, чтобы ветер дул от вас на него.

Газзи заморгал на меня своими голубыми громадными доверчивыми глазищами:

— А что на завтрак?

Его всклоченные мягкие белокурые волосы похожи на пух только что вылупившегося утенка.

— Ммммм... сюрприз.

Сама-то я понятия не имела, чем накормлю свою братву.

— Я соку налью, — предложил Газман, и на сердце у меня потеплело. Он очень славный и хороший. Такой же хороший, как его младшая сестренка. Газзи и шестилетняя Ангел — единственные из нас родные брат и сестра. Но мы все равно все — одна семья.

Следующим в кухню приплелся Игги, тощий, бледный и сутулый. С закрытыми глазами прицельно рухнул на наш выдавший виды диван. Слепота ему практически не мешает,